

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.8>

UDC 81'373.612.2:82-1
LBC 81.411.2+81.055

Submitted: 17.11.2025
Accepted: 02.02.2026

SOMATIC TOPOS CODE: SPECIFICITY OF THE METAPHORICAL MODEL <SPACE ↔ BODY> IMPLEMENTATION IN MODERN RUSSIAN POETIC TEXTS

Nadezhda M. Vishnyakova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the characteristics of metaphors formed through the processes of body topologicalization and space somatization. The aim of the research is to identify common and distinctive properties of the compared objects in order to clarify the essentials of their similarity, their relation to reality, and their functional component. The analysis is based on a corpus of spatial metaphors with a somatic component, extracted from contemporary Russian poetic texts (2020–2025) written by the authors from the Southern Federal District, the Siberian Federal District, and the new regions of the Russian Federation. The study employs linguo-cognitive and structural-and-semantic approaches to metaphor analysis. A number of specific spatial-bodily correspondences are examined (e.g., <road surface ↔ skin>, <cosmos ↔ abdomen>, <river ↔ veins>, <burnt-out structure ↔ bones>, etc.), and the peculiarities of realizing the metaphorical model <space ↔ body> in contemporary poetic text are determined. It is revealed in traditional techniques of sacredness and aesthetics actualizing, the foregrounding of urban and military contexts, as well as in the compensatory role of zoomorphic correspondences. A high degree of reversibility, or potential for it, is found in the studied constructions. This is explained by the inherent potential of bodily and spatial nominations, which is linked to the archetypal, cultural, functional, and orientational properties of the respective concepts.

Key words: Russian language, modern Russian poetry, somatic metaphor, spatial metaphor, reversible metaphors, metaphorical model.

Citation. Vishnyakova N.M. Somatic Topos Code: Specificity of the Metaphorical Model <Space ↔ Body> Implementation in Modern Russian Poetic Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 95-105. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.8>

УДК 81'373.612.2:82-1
ББК 81.411.2+81.055

Дата поступления статьи: 17.11.2025
Дата принятия статьи: 02.02.2026

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД ТОПОСА: СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ <ПРОСТРАНСТВО ↔ ТЕЛО> В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Надежда Михайловна Вишнякова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы особенности метафор, образованных в результате топологизации тела и соматизации пространства. Цель исследования состоит в установлении общих и различных свойств сопоставляемых объектов для уточнения основы их сходства, отношения к действительности и функциональной составляющей. Анализ проведен на материале пространственных метафор с соматическим компонентом, извлеченных из современных русских поэтических текстов 2020–2025 гг., созданных авторами Южного федерального округа, Сибирского федерального округа и новых регионов РФ. В работе использованы лингвокогнитивный и структурно-семантический подходы к изучению метафор. Рассмотрен ряд конкретных пространственно-телесных соответствий (<дорожное покрытие ← кожа>, <космос ↔ живот>, <река ↔ вены>, <сгоревшее сооружение ← кости> и т. д.); определена специфика реализации метафорической модели <пространство ↔ тело> в современном поэтическом тексте, которая проявляется в традиционных приемах эстетизации и сакрализации, актуализации урбанистического и военного контекстов, а также в компенсаторной роли зооморфных соответствий. Сделан вывод о высоком уровне обратимости описанных конструкций или возможности таковой, что объясняется исходным потенциалом телесных и пространственных номинаций, связанным с архетипическими, культурными, функциональными и ориентационными свойствами соответствующих понятий.

Ключевые слова: русский язык, современная русская поэзия, соматическая метафора, пространственная метафора, обратимые метафоры, метафорическая модель.

Цитирование. Вишнякова Н. М. Соматический код топоса: специфика реализации метафорической модели <пространство ↔ тело> в современных русских поэтических текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 95–105. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.8>

Введение

Физическая релятивистская картина мира предполагает зависимость восприятия пространства от наблюдателя в противовес субстанционалистской, в соответствии с которой топос мыслится как неизменная самостоятельная сущность. В свою очередь, антропоцентрическая парадигма признает человека точкой отсчета для конструирования в языке и сознании представления об окружающей действительности. В естественных и гуманитарных науках обнаруживается принципиальная сложность концептуализации топологических представлений при исключении из них субъекта. Это та причина, по которой мы считаем необходимым выявить особенности телесно-пространственных тождеств. Объектом исследования являются метафоры с пространственными и соматическими компонентами, а предметом – механизмы функционирования в таких иносказательных конструкциях топологического и телесного кодов.

Архаические представления о большом мире (пространство) конструировались на базе осознания малого (тело). В связи с этим В.Н. Топоров в вопросе о том, «первичен ли антропоморфичный код, с помощью которого описывается Вселенная, или космологический код, которым можно описать тело человека»

[Топоров, 2010, с. 330], отдает предпочтение первому варианту. Такая точка зрения на соотношение понятий находит свое отражение и в лингвокогнитивных исследованиях. Например, А.В. Кравченко в контексте анализа взаимосвязи языка и восприятия утверждает, что «мир существует только в человеческом измерении, ибо точкой отсчета и мерой всего в конечном итоге является человек» [Кравченко, 2004, с. 35].

Исследования соматонимов (соматизмов, соматических единиц) в их символическо-метафорических реализациях фокусируются: 1) на выявлении общих архетипических параллелей микрокосма и макрокосма [Топоров, 2010; Мошина, 2020; Семенова, 2022; и др.]; 2) на анализе их использования для концептуализации нематериальных зон (например, сердце как вместилище эмоций, голова как пространство идей) [Преснякова, 2009; Милашевская, 2011; Лаврищева, 2018; и др.]. В работах находит отражение то, как базовые онтологические значения частей тела и органов, связанные в большей степени с пространственной организацией, обеспечивают трансформационный потенциал семантики соответствующих единиц. При изучении пространственно-телесных соотношений авторы исходят из того, что «ориентирование (пространственного объекта. – Н. В.) строится по ана-

логии с ориентированием человеческого тела» [Рахилина, 2000, с. 98]. Во многом это обусловлено неотъемлемыми топологическими характеристиками частей тела и органов, которые, например, У.М. Трофимова характеризует как соматизмы-вместилища и соматизмы-поверхности [Трофимова, 2014, с. 77]. Активность контейнерных моделей (восприятие абстрактных понятий как физических объектов внутри или в пределах ограниченного пространства) трансформации телесных и пространственных понятий может объясняться тем, что они позволяют представить внутренний мир как территорию с разными ландшафтами – знакомыми, избегаемыми или непереносимыми [Austin, 2013].

Среди публикаций, посвященных соматизмам, отмечено преобладание работ, выполненных на материале фразеологизмов (см., например: [Каксин, 2011; Rasovska, 2013; Иванова, 2025; и др.]). Авторы указывают на универсальность данной группы фразеологических единиц, обусловленную значимостью последних в повседневной жизни людей [Цыбина, Комиссарова, Зиновьев, 2023, с. 1–2]. Кроме того, это свидетельствует о роли телесного опыта для образного осмысления мира, что подчеркивает важность результатов таких работ для изучения соматического и пространственного кодов на материале поэтических текстов.

Изучение соматонимов особенно активно происходит и на материале художественных произведений. Это, по-видимому, связано с репрезентативностью проявления в них культурных и ментальных компонентов значения, что в свою очередь согласуется с мнением К.Н. Гущиной, называющей телесную метафору, обладающую бытийной семантикой, основой для моделирования поэтического универсума. В частности, автор отмечает использование поэтами принципа тотальной аналогии (тело – мир, тело – земля) [Гущина, 2024].

Учитывая сказанное, мы ставим перед собой цель определить общие и различные свойства метафор, образованных в результате топологизации тела и соматизации пространства, для уточнения основы их сходства, отношения к действительности и функциональной составляющей.

Материал и методы

Исследование проведено с применением лингвокогнитивного и структурно-семантического подходов к изучению иносказательных конструкций, предполагающих применение концептуального моделирования, лексико-семантического и контекстуального анализа. Опора исключительно на первый из них может ограничивать возможности и потенциал исследования поэтических метафор. Это связано с тем, что не всякий контекст может быть приведен к схеме, в которой абстрактное описывается в терминах конкретного. Кроме того, конструирование метафор в художественном тексте часто подчинено цели создания образа, что требует структурно-семантического изучения каждого конкретного высказывания.

Материалом исследования послужили метафорические единицы с пространственными и соматическими компонентами, извлеченные из опубликованных в литературных журналах и альманахах 2020–2025 гг. русских поэтических текстов авторов Южного федерального округа, Сибирского федерального округа и новых регионов РФ («Белая скала», «Отчий край», «Рассвет», «Краснодар литературный», «Начало века», «Алтай», «Южный маяк», «Дон»). Из общего массива метафорических конструкций (2 509 единиц) нами были вычленены те, в которых соматическая лексика составляет ядро высказывания (222 единицы, что составляет 8,82 % от общего количества изучаемых контекстов), будучи областью источника (накладываемого на пространство признака – при соматизации топоса) или областью цели (отождествляемой с пространством – при топологизации тела).

Соматические (анатомические) пространственные переносы являются подвидом антропоморфных метафор. Их сущность состоит в описании устройства окружающего физического мира посредством уподобления строению человеческого тела и наоборот. Нередко в контексте равно акцентируется как конкретная часть тела или орган, так и человек в целом (собственно олицетворение). Таким образом, анатомический перенос и одушевление пространства могут соединяться в конструкциях модели <пространство ↔ человек>. Например, в метафоре *сердце горы*

одновременно актуализируется как персонификация, когда неживое наделяется человеческими качествами, так и соматизация, когда репрезентированы телесно-пространственные отношения (в данном случае локализации – сердце как центр). Так, для причисления антропоморфной пространственной метафоры к соматической необходимо, чтобы тело и его части представляли биофизический объект с потенциалом его описания как локализуемого / локализатора, имеющего форму, границы, вместимость и др., а не исключительно человеческие качества (характер, возраст, эмоции, социальный статус и др.).

Результаты

Наш материал в целом отражает индикаторный потенциал соматонимов. Конкретные части тела традиционно ассоциируются с вместилищем для нематериального и материального (голова, грудь, сердце, живот), с ориентацией в пространстве (голова – небо, сердце – центр), с функциональной составляющей (спина – опора, скелет – основа, сердечно-сосудистая система – транспортировка и др.). Это свидетельствует о сохранении в современной поэтической картине мира архаических представлений о связи микро- и макрокосма. Вместе с тем мы можем судить о трансформации взглядов на пространство и тело с учетом преобразований социальных институтов, эволюционных и цивилизационных процессов, знаковых событий. В ходе исследования были выявлены модели: <пространство ↔ голова / лицо (волосы, лоб, ресницы, глаза, нос, рот, уши, щеки и др.)> (68 единиц), <пространство ↔ шея / горло> (7 единиц), <пространство ↔ туловище / скелет> (44 единицы), <пространство ↔ кожа> (18 единиц), <пространство ↔ сердце> (28 единиц), <пространство ↔ вены и жилы> (12 единиц), <пространство ↔ живот> (20 единиц), <пространство ↔ конечности> (25 единиц).

Голова

В то время как доминирующей концептуальной схемой для метафор головы является контейнерная [Трофимова, 2014; Куличенко, Королевская, 2017; Милашевская, 2011,

с. 360; 2017], наш материал демонстрирует единственный репрезентант субмодели <голова ← вместилище>: *От ада в голове не убежишь* (Третьякова-Федина А. Бог «Белых пятен» // Белая скала. 2020. № 3). Гораздо чаще в текстах представлены метафоры конкретных частей головы (лицо / лик, лоб, глаза, глазницы, веки, щеки, рот / уста, губы, скулы, зубы). Отмечается частотность обращения авторов к лексеме *лик*, что объясняется традицией ее использования в поэтической речи (БАС, с. 188), например: *светлый лик солнца, цветущий лик Земли, лик России, лунный лик*. Так, авторы эстетизируют и сакрализуют объективную действительность в терминах внешнего облика. Вместе с тем та же модель может применяться при указании на возраст и историю, стоящие за локацией: *морицинистый лик земной; трещин путь морицинит лик дна оврага*. Как видим, уподобление происходит преимущественно по визуальным и ассоциативным характеристикам вне соотношения с другими объектами действительности. Метафоры конкретных частей лица (*мира лоб, как Эверест; ноздреватый чернозем; [солнце] садится на переносицу города*) маркируют верхнюю и/или переднюю открытую часть пространства посредством телесной лексики.

Другой способ соотношения с пространственными выразителями демонстрируют лексемы, обозначающие органы зрения и их обрамление. Так, по ориентационному фактору глаза могут соответствовать / принадлежать воздушной сфере: *глаза Небес, неба глаза, звездные зрачки*. Такие метафоры обратимы, ср.: *глубже неба в глазах* – контекст, в котором образ голубых глаз конструируется посредством пространственного понятия. Кроме того, глаза нередко отождествляются с пограничными элементами сооружений (двери, окна), в частности домашних, посредством функциональной основы сходства (открытие / закрытие): *окна – глаза, сомкнув дверей ресницы*. При описании урбанистического пейзажа слово *глазницы* приобретает негативную коннотацию (*пустые глазницы окон, городские глазницы тоже пусты*), посредством чего актуализируется семантика темноты, опустошенности и заброшенности. Веки и ресницы в контекстах чаще уподобляются локациям и пространственным объектам не по

признаку пограничности, а по визуальному сходству: *синеватые веки луны, ресницы ковыля – глаза степей, ресницы леса собрались в ряд*. Уподобление локаций растительности на лице и голове объясняется аналогичным образом. При этом, по нашим наблюдениям, метафорическое наличие волосяного покрова преобладает у движущихся / движимых (при воздействии извне) топосов или их частей: среди *кудряшек облаков, локоны солнца, белокурое небо, волны гривами пелись*. Статичные образы характеризуются уникальностью и единичностью соматических репрезентаций, например: *Но льдяной щетиною / Уже покрыла студа* (так в тексте. – Н. В.) *скулы ерика* (Кузнецова-Киреева Л. Пастуший ветер... // Отчий край. 2020. № 2); *А за стеклом, где льды непобедимы, / Где стынут рек замерзшие усы* (Селедцов О. Январь // Рассвет. 2020. № 10). В контекстах варьируется зимний пейзаж с подчеркиванием его сезонности. Другие способы приобретения зоо- и антропоморфного признака пространством демонстрируют метафоры ротовой полости. Несмотря на то что их объединяет семантика отверстия (открытия / закрытия), иносказательный потенциал здесь во многом зависит от выбранного автором варианта лексемы. Так, *пасть* эксплицирует агрессивную составляющую процесса поглощения – и силу стихии: *...Лёд трещал и глотал ливонцев, и озёрная рдела пасть* (Товескин К. Сила русских // Белая скала. 2025. № 31); и страх смерти: *Пасти ждущих могил, / обмеряющих тело мое* (Никольский М. На погосте // Краснодар литературный. 2021. № 2). В то же время поэтизм *уста* традиционно служит для реализации эстетической цели, например: *уста, как устье той печали*. Нейтральными остаются *губы* и *рот*: *губы ерика, рот тюрьмы* и т. д.

Шея

Метафоры пространства, как правило, используют образ горла – внутренней части шеи. В таких конструкциях реализуется его соединительная функция и визуально-параметрическая составляющая (узость и продолговатость), в связи с этим такие уподобления характерны для топосов пути: *горло дороги, горло вокзала, горло города*.

Туловище

Соматизация в данном случае происходит преимущественно посредством ориентационной акцентуации (перед / зад, внутри / снаружи). Метафоры груди могут создавать образ масштабного и открытого взгляду пространства: *степи подростковая грудь, по широкой байкальской груди, на грудь совсем чужой земли*. При топологизации активна контейнерная модель по аналогии с образами сердца как вместилища, что соотносимо с представлениями человека о локализации души: *в моей грудной пустыне, в груди гнездятся облака, небеса в груди, в груди остров Крит*. Единичен случай актуализации размера и формы грудной клетки как вторичного полового признака в терминах возвышенности: *О, Тамарина грудь – / это в белом сиянье Казбек!* (Скиф В. Тамара // Белая скала. 2021. № 2).

Иные основы сходства репрезентированы в метафорах спины, позвоночника и хребта. Нами не было обнаружено обратимости таких конструкций уподобления пространства телу, что связано, прежде всего, с отсутствием контейнерной ассоциации. Происходит реализация значения опоры, рельефных особенностей (прямо / криво): *между выпуклых спин валунов, выгнулись спинами волны, лес согнулся хребтом, улицы кривой позвоночника*.

Аналогичное тяготение к антропоморфной соматизации наблюдается в метафорах костей, скелета и ребер. Потенциал таких конструкций зависит от типа локации, на которую накладываются признаки: для природных ландшафтов это маркировка рельефа (*переломанные ребра скалы, каменные кости кряжа*), для искусственных сооружений – констатация результата деструктивных процессов войны или упадка деревень (*черные скелеты обгоревших зданий, скелеты домов, остовы церквей, бетонные ребра, стальные останки*). Некоторые случаи эксплицируют недостаточность антропоморфного соматического кода, компенсируемого зооморфным, например: *Глянь: трактора разбросаны прямо как кости мамонта!* (Прокопьева Т. Кедровка // Начало века. 2025. № 2). Здесь осуществляется уподобление заброшенной техники

археологическим останкам, то есть заметно влияние временного фактора на деградацию пространства. Бока метафоризируются как часть пространства на основании контактной поверхности: *грязными боками трется поезд, Земля греет бока*. Тем самым подчеркиваются границы, объем, ориентация объекта и связь со средой.

Кожа

Представление об этом органе как об оболочке и защитном слое используется авторами для создания образов верхнего слоя пространства. При этом актуализироваться может как его деформация (*заборы со слезшей кожей, содрана кожа земли, кожу срываю с земли*) – утрата защитного покрова под воздействием погодных условий, искусственного вмешательства человека, обветшалости; так и его наличие с экспликацией цветовых или иных визуальных характеристик: *холмы с бархатисто-коричневой кожей, материка загар, черной кожей дороги покрыты*. Для демонстрации разрушения и негативных процессов в пределах пространства используются слова, обозначающие дефекты кожи: *улицы изувечены язвами рытвин и ям, шрамы террикона, земля в опаленных оспинах*. Исключения составляют констатация временных изменений, оцениваемых нейтрально (*морщины утесов, тротуары прячут сеть морщин*), и неожиданные пейзажные соответствия, например: *у неба сыпь, небо в тускнеющих родинках* (о звездах). В случаях, когда вновь обнаруживается дефицит антропоморфных признаков органа, на передний план выступают животные соматические уподобления. Так, по форме и структуре небесные и воздушные пространства отождествляются с наружным покровом некоторых животных: *вода – чешуя исполинского дикого зверя, чешуя белой пены воды, река чешуей искрится, чешуя облаков, асфальт как кожа саламандры*.

Сердце

В пространственных метафорах, содержащих указанный соматоним, в полной мере реализуется иносказательный потенциал пос-

ледного –местилище духовной жизни человека. Наиболее обширную группу составляют его уподобления сооружениям разного типа и функциональности. Ими могут быть:

1. Места постоянной локализации для человека / животного (*в пустой сердечной колыбели, мое сердце – гнездо*), для материального и нематериального (*ты поселился в сердце ср. с память в сердце осталась жить*). Общая цель таких высказываний – маркировка эмоционального и/или когнитивного компонентов для передачи внутреннего состояния.

2. Объекты религиозного назначения (*храм сердца, сердце – родительский храм, выпускай... из сердечных келий*). Таким образом, происходит сакрализация органа, неразрывно связанного с духовной жизнью.

3. Средства передвижения. Сближение происходит на функционально-акциональной основе. При этом в метафорах могут отражаться аспекты внутреннего мира автора: как на социальном межличностном (*сердце твоё – огромный инопланетный корабль*), так и на индивидуальном экзистенциальном (*сердце... как старый горловский трамвай стучит*) уровне. Если в одном случае передается уникальность субъективной реальности значимого другого, то в другом – изношенность, усталость и связь внутреннего мира с внешним при дополнительном сближении объектов по ритмичности звучания.

В то же время наблюдается активность субмодели <сердце ← водное пространство>: *сердце катится, как река; сердце наполнится, как вешняя Бия; берега моего ошалевшего сердца; сердца неисчерпанный родник*. Здесь также доминирует динамическая составляющая наряду с акцентированием полноты и стихийности жизненных сил, эмоций и чувств. Отсутствие замкнутости в противовес уподоблениям сердца сооружениям предполагает потенциал подчеркивания свободы движения и распространения нематериального.

Обратная модель реализуется, как правило, посредством соматизации открытого пространства: *сердце Родины, сердце деревни сгорело, сердце столицы, рана в сердце города*. В данном случае место представлено или объектом внешнего воздействия, или

частью системы. Так или иначе происходит сближение по ориентационному признаку – локализации в центре.

Вены и жилы

Вены имеют ряд устойчивых обратимых сближений с конкретными пространственными объектами, у которых доминирующими признаками оказываются длина и движение вдоль, – гидрообъекты и топос пути, например: *дорога бойкой веной ср. с по дорожкам вен, Кальмиус – распухшей веной ср. с по венам побегут ручьи*. В свою очередь, жилы устойчиво ассоциируются с землей, составляя группу стертых метафор в результате утраты связи с первичным значением и геологической терминологизации лексемы: *перебитые жилы окопа, жилы земные*.

Живот

Несмотря на то что ввиду контейнерной составляющей большинство образных пространственных проекций указанной части тела однотипны, у них велик потенциал для реализации онтологической семантики с полярными коннотациями. Например, в метафоре *В космосе мамино живота / с ним говорил Господь* (Цаголова Л. Гагарин // Алтай. 2024. № 2) последовательно реконструируется интуитивное представление о пространстве эмбриона, для которого одна часть тела матери представляет весь универсум. В то же время контексты такого характера могут идейно усложняться посредством отождествления живота с конкретными локациями: *Младенец в утробе матери благословляет тюрьму* (Мамаенко А. Джинн, кувшинный невольник... // Южный маяк. 2021. № 2). Здесь субъект гипотетически выходит на новый уровень осознания себя в пространстве – нахождение в замкнутой среде. Помимо этого, осуществляется противопоставление своей замкнутой маргинальной среды как оцениваемой положительно и чужой открытой социальной как оцениваемой отрицательно.

Функцией вместилища и неразрывной связью представления о животе с концептами рождения и смерти может объясняться высокий уровень обратимости пространственно-телесных трансформаций, например: *При-*

жавшись друг к другу, как братья в утробе единой (Хапилова О. Неправда, что павшим... // Дон. 2020. № 1–3). В контексте по субмодели <могила ← живот> осуществляется соматизация захоронения, наделение его признаком живого существа на основе как ограниченности свободы действий и близости расположения субъектов, так и онтологической составляющей, посредством которой становится возможной взаимозамена понятий жизни и смерти.

В других случаях наделение пространства признаками живота сопряжено с целью художественной интерпретации ситуативного хронотопа посредством, например, уподобления утробы: 1) природным объектам по форме, функции, отсутствию света, наличию границы, наличию / отсутствию движения для актуализации погодных и временных условий (*темнота в речной утробе, на краю ледяной утробы, брюхо облака*); 2) городскому топосу по шуму в его пределах (*в гулком чреве города, город гудит нутром*); 3) транспорту по уровню его заполненности (*огромное брюхо аэростата, живот электрички набит людьми*).

Во всех приведенных иносказательных контекстах был использован контейнерный признак живота для реализации иногда противоположных целей – сакрализации микрокосма с макрокосмом и профанизации (то для приближения недостижимого к человеку, то для экспликации негативных сем, например ‘толпа’ и ‘шум’).

Конечности

Отмечена невысокая активность пространственных соответствий на базе описываемых частей тела – рук и особенно ног. Это связано с тем, что такие уподобления тяготеют к антропоморфным метафорам, в которых важно собственно действие персонифицированной локации, осуществляемое имплицитно выраженными конечностями. В то же время нас интересуют контексты, в которых отдельная часть тела или орган отождествляется с конкретным пространством.

Части верхних конечностей могут быть использованы для подчеркивания формы (*локоть холма*), масштаба (*горизонт плечист*),

принадлежности месту и силы (*Волга плечами вросла*) пространственных объектов. Потенциал вместилища поэтически реализуется в метафорах не столько рук, сколько ладоней (*длани улиц, в ладони простора, колыбель твоих ладоней, ладони теплой лодочкой, в ладье ладоней*), что, по-видимому, связано с эвфоническим аспектом целеполагания автора. Метафора характеризуется абсолютной обратимостью, поскольку здесь релевантен признак открытого вместилища, под который наряду с ладонью подпадают многие отграниченные природные и искусственные пространства.

Вместе с тем при описании рук в топологических терминах используется характеристика парности и границы, например: *руками как берегами*.

Такой высокий потенциал трансформационной инверсии может быть продиктован неотъемлемыми функциями рук (сгибание / разгибание) и универсальными физическими характеристиками (протяженность, длина и т. д.).

Соматические метафоры рук, в отличие от собственно антропоморфных, лишены семантики движения. Поэтические варианты таких конструкций подчинены закономерностям топологических проекций. Неожиданных сближений пространства и конечностей обнаружено не было.

Об обратимости

Согласно нашим наблюдениям, обратимость метафор модели <пространство ↔ тело> максимальна в тех случаях, когда за основу обоих высказываний берутся универсальные топологические схемы (контейнерная, ориентационная, параметрическая). Однако уровни пересечений таких конструкций дифференцируются. Так, абсолютно обратимы из них те, в которых закреплены сугубо пространственные черты сходства, не предполагающие концептуализации абстрактных понятий, например: ладонь ↔ лодка, живот ↔ космос, вена ↔ река / дорога. В то же время относительная обратимость возможна в случаях смещения основы сходства при совпадении ядерных выразителей метафоры. Так, сближение <сердце ← пространство> чаще всего обеспечивается функцией вместилища и представлениями о нем как о локализаторе

для нематериального, тогда как <пространство ← сердце> обусловлено ориентационными (центр) и архетипично-оценочными (свое) характеристиками: *сердце деревни, сердце города*. Следовательно, свойства концепта сердца проецируются по-разному. При этом метафоры некоторых частей тела демонстрируют низкий уровень обратимости. Если к числу устоявшихся соответствий, маркируемых как синонимичные, мы можем отнести <голова ← сооружение> (башня, чердак, крыша и т. д.), то, как правило, постройки и вместилища разных типов мы с указанной частью тела не соотносим. Это связано с тем, что голова тесно ассоциируется именно с когнитивными способностями, что не сводимо к пространственной схеме.

Заключение

В результате проведенного исследования был обнаружен высокий уровень корреляции между базовыми онтологическими значениями соматонимов и их иносказательными проекциями. Кроме того, подтверждена гипотеза о значительном потенциале обратимости пространственно-телесных уподоблений, базирующаяся на тесной взаимосвязи микрокосмических и макрокосмических реалий. Анализ пространственных метафор головы, шеи, туловища, кожи, сердца, вен и жил, живота, конечностей дал основания утверждать, что доминирующими признаками сходства между ядерными выразителями конструкций такого типа стали функциональная, ориентационная и параметрическая. Части тела или органы проецируются на топос прежде всего на основе своей роли как защиты, границы или ориентира (спина / хребет – опора, кожа – поверхностный защитный слой, сердце – центр). В свою очередь, признаки пространства, накладываемые на части тела или органы, преимущественно контейнерные (голова – вместилище когнитивных, грудь и сердце – вместилище эмоций).

В целом специфика поэтической реализации модели <пространство ↔ тело> проявляется: 1) в традиционных способах эстетизации и сакрализации топосов посредством применения возвышенной лексики (*лик, уста, длани*) и уподобления объектам религиозного назначения;

2) актуализации современного урбанистического и военного контекста, что свидетельствует о трансформации телесно-пространственных представлений под влиянием новых социальных и исторических реалий; 3) компенсаторной роли зооморфных соответствий (чешуя, щетина, шкура), которые восполняют семантические лакуны, когда антропоморфные признаки недостаточны

для описания свойств пространства (текстура, вид покрова, время деформации).

Таким образом, изученные контексты отражают сложность современного восприятия микро- и макрокосма. В то же время для поэтического конструирования пространства продолжают использоваться архетипические основы соматического кода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гущина К. Н., 2024. Бытийная семантика соматической метафоры в поэтической картине мира начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17, вып. 9. С. 3370–3375. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240477>
- Иванова А. Б., 2025. Система фразеологических средств реализации символических значений соматонима «рука» в русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 31, № 2. С. 180–190. DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-180-190
- Каксин А. Д., 2011. Устойчивые сочетания на базе соматической лексики как предмет когнитивной лингвистики // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. № 1 (13). С. 11–15.
- Кравченко А. В., 2004. Язык и восприятие : Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та. 206 с.
- Куличенко Ю. Н., Королевская Е. М., 2017. Структурно-семантические особенности русских и английских фразеологизмов с соматическим компонентом «голова» в сопоставительном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (74) : в 2 ч. Ч. 1. С. 93–95.
- Лаврищева Е. В., 2018. Роль физиологической метафоры в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 4, № 1. С. 13–21. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-13-21
- Милашевская И. В., 2011. Концептуальная метафора «голова – вместилище» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (1). С. 360–363.
- Милашевская И. В., 2017. Концептуальная метафора ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ: объективация в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород. 201 с.
- Мошина Е. А., 2020. Соматический код русской и английской лингвокультур: образные признаки макроконцептов земля и earth / land // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 22, № 2. С. 533–540. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-533-540
- Преснякова Н. А., 2009. Вместилища чувств: соматические метафоры в русском и английском языках // Вестник Новгородского государственного университета. № 52. С. 62–64.
- Рахилина Е. В., 2000. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва : Рус. слов. 416 с.
- Семенова В. И., 2022. Соматические термины бурятского языка как локусы // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 19, № 3. С. 388–397. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-388-397
- Топоров В. Н., 2010. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. В 2 т. Т. 1. Москва : Рукоп. памятники Древ. Руси. 448 с.
- Трофимова У. М., 2014. Пространственная концептуализация соматизмов: типологический взгляд // Вестник Бурятского государственного университета. № 10 (4). С. 74–78.
- Цыбина Л. В., Комиссарова Н. Г., Зиновьев Е. В., 2023. Структурно-семантические типы фразеологизмов с компонентом части тела // Russian Linguistic Bulletin. № 4 (40). С. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.9>
- Austin S., 2013. Spatial Metaphors and Somatic Communication: The Embodiment of Multigenerational Experiences of Helplessness and Futility in an Obese Patient // Journal of Analytical Psychology. № 58. P. 327–346.
- Pacovska J., 2013. Dialogue in the Body Language and Psychosomatic Phraseology // Journal of Psycholinguistics. № 18. P. 46–53.

СЛОВАРЬ

БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004– . Т. 9. 2007. 659 с.

REFERENCES

- Gushchina K.N., 2024. Bytiynaya semantika somaticheskoy metafory v poeticheskoy kartine mira nachala XX veka [The Existential Semantics of the Somatic Metaphor in the Poetic Picture of the World in the Early 20th Century]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 17, iss. 9, pp. 3370-3375. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240477>
- Ivanova A.B., 2025. Sistema frazeologicheskikh sredstv realizatsii simvolnykh znacheniy somatonima «ruka» v russkom yazyke [System of Phraseological Means of Implementing the Symbolic Meanings of the Somatonym “Hand” in the Russian Language]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], vol. 31, no. 2, pp. 180-190. DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-180-190
- Kaksin A.D., 2011. Ustoychivye sochetaniya na baze somaticheskoy leksiki kak predmet kognitivnoy lingvistiki [Steady Combinations on the Basis of Somatic Lexicon as a Subject of Cognitive Linguistics]. *Gumanitarnyye: aktualnye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* [The Humanities: Current Problems of Humanities and Education], no. 1 (13), pp. 11-15.
- Kravchenko A.V., 2004. *Yazyk i vospriyatiye: Kognitivnye aspekty yazykovoy kategorizatsii* [Language and Perception: Cognitive Aspects of Linguistic Categorization]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. gos. un-ta. 206 p.
- Kulichenko Yu.N., Korolevskaya E.M., 2017. Strukturno-semanticheskiye osobennosti russkikh i angliyskikh frazeologizmov s somaticheskim komponentom «golova» v sopostavitelnom aspekte [Structural-Semantic Features of the Russian and English Phraseological Units With the Somatic Component “Head” in the Comparative Aspect]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 8 (74): in 2 pts., pt. 1, pp. 93-95.
- Lavrishcheva E.V., 2018. Rol fiziologicheskoy metafory v reprezentatsii kognitivnogo fragmenta «emotsionalnoye prostranstvo» [The Role of a Physiological Metaphor in the Representation of the Cognitive Fragment “Emotional Space”]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 4, no. 1, pp. 13-21. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-13-21
- Milashevskaya I.V., 2011. Kontseptualnaya metafora «golova – vmestilishche» [Conceptual Metaphor “One’s Head as a Receptacle”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6 (1), pp. 360-363.
- Milashevskaya I.V., 2017. *Kontseptualnaya metafora GOLOVA – VMESTILISHCHE: obektivatsiya v russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual Metaphor ONE’S HEAD AS A RECEPTACLE: Objectivation in the Russian Language. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod. 201 p.
- Moshina E.A., 2020. Somaticheskii kod russkoy i angliyskoy lingvokultur: obraznye priznaki makrokontseptov zemlya i earth / land [Somatic Code of Russian and English Linguistic Cultures: Figurative Features of Macroconcepts Zemlya and Earth / Land]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 22, no. 2, pp. 533-540. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-533-540
- Presnyakova N.A., 2009. Vmeshchilishcha chuvstv: somaticheskie metafory v russkom i angliyskom yazykakh [Containers of Feelings: Somatic Metaphors in Russian and English]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod State University], no. 52, pp. 62-64.
- Rakhilina E.V., 2000. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost* [Cognitive Analysis of Object Names: Semantics and Combinability]. Moscow, Rus. slov. Publ. 416 p.
- Semenova V.I., 2022. Somaticheskie terminy buryatskogo yazyka kak lokusy [Somatic Terms of the Buryat Language as Loci]. *Polilingvialnost i transkulturnyye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], vol. 19, no. 3, pp. 388-397. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-388-397
- Toporov V.N., 2010. *Mirovoe derevo. Universalnye znakovye komplekсы. V 2 t. T. 1* [The World Tree. Universal Sign Complexes. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 448 p.
- Trofimova U.M., 2014. Prostranstvennaya kontseptualizatsiya somatizmov: tipologicheskii vzglyad [Spatial Conceptualization of Somatism: Typology View]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], no. 10 (4), pp. 74-78.

- Tsybina L.V., Komissarova N.G., Zinovev Ye.V., 2023. Strukturno-semanticheskiye tipy frazeologizmov s komponentom chasti tela [Structural and Semantic Types of Phraseological Units with a Body Part Component]. *Russian Linguistic Bulletin*, no. 4 (40), pp. 1-7. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.9>
- Austin S., 2013. Spatial Metaphors and Somatic Communication: The Embodiment of Multigenerational Experiences of Helplessness and Futility in an Obese Patient. *Journal of Analytical Psychology*, no. 58. pp. 327-346.
- Pacovska J., 2013. Dialogue in the Body Language and Psychosomatic Phraseology. *Journal of Psycholinguistics*, no. 18, pp. 46-53.

DICTIONARY

- Gorbachevich K.S., ed. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* [The Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004— . Vol. 9, 2007. 659 p.

Information About the Author

Nadezhda M. Vishnyakova, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, nadinvishnyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3408-0395>

Информация об авторе

Надежда Михайловна Вишнякова, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, nadinvishnyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3408-0395>